связи, что пишущие о Маяковском рассматривают обычно его любовные увлечения как бы независимо друг от друга. Между тем с точки зрения внутреннего мира поэта они связаны единой трагической цепью. Появление каждого нового звена делает ее все тяжелее.

Последняя любовь Маяковского — В. В. Полонская, с которой он познакомился в мае 1929 г. В субъективно-психологическом плане отношения с Полонской воспринимались поэтом как еще одна попытка создать собственную семью. Правда, не прояснились еще до конца отношения с Т. Яковлевой. Но Маяковский, по-видимому, опасался повторения того «сценария», который впервые обозначился в отношениях с С. Шамардиной (1913—1914), а теперь мучительно разыгрывался с Т. Яковлевой.

В. Полонская вспоминает, что «самый сильный период любви и влюбленности в него» был у нее в начале знакомства и сближения. «Помню, тогда мне было очень больно, что он не думает о дальнейшей форме наших отношений. Если бы он тогда предложил мне быть с ним совсем — я была бы счастлива. В тот период я очень его ревновала, хотя, пожалуй, оснований не было» [24, с. 156]. Однако, чем дальше развивались отношения и крепла любовь поэта, тем отчетливее стали проступать в его поведении знакомые по другим романам черты: нервозность, максимализм чувств и поступков, мнительность, отчаянная ревность. «Раньше он совершенно спокойно относился к моему мужу. Теперь же стал ревновать, придирался, мрачнел. Часами молчал. С трудом мне удавалось выбить его из этого состояния» [24, с. 165].

После встречи Нового года, по свидетельству Полонской, их отношения стали принимать все более нервный характер. Конечно, не следует забывать и о том, что происходило в общественно-литературной жизни. (Враждебное отношение к Маяковскому руководства РАПП, травля в связи с постановкой «Бани», невнимание к выставке «20 лет работы»...) Все это, конечно, отравляло жизнь поэта. И все же главная причина того, что последний роман Маяковского окончился неудачей, состоит не в этом. В плане субъективно-психологическом любовная коллизия переживалась Маяковским особенно остро, ибо осознавалась, по-видимому, как *последний шанс* вырваться из дурной бесконечности попыток обрести личное счастье. Вот почему неизменное джентльменство Маяковского (о нем вспоминали все женщины, за которыми он ухаживал) начало изменять ему.

Надо отдать должное Полонской. Она оказалась той женщиной, которая сумела верхним чутьем понять многое в необычном поведении Маяковского. Вот каким запомнился ей эпизод вечера 13 апреля 1930 г. у Катаева: «Был очень груб, всячески оскорблял меня. Меня же его грубость и оскорбления вдруг перестали унижать и обижать, я поняла, что передо мною несчастный, совсем больной человек, который может вот тут сейчас наделать страшных глупостей, что Маяковский может устроить ненужный скандал, вести себя недостойно самого себя, быть смешным в глазах этого случайного для него общества... Я уговаривала его, умоляла успокоиться, была ласкова и нежна. Но нежность моя раздражала его и приводила в неистовство, в исступление. Он вынул револьвер. Заявил, что застрелится. Грозил, что убьет меня... Больше оставаться я не хотела...» [24, с. 179].

* * *

Неоконченные стихи Маяковского посвящены преимущественно любви. Некоторые из них обращены к Полонской, другие написаны до встречи с нею и «потеряли реального адресата» (С. Е. Стрижнева). Это подтверждает мысль о единстве лирической «ленты» Маяковского в жизни и поэзии. И все же последние стихи Маяковского при всем трагизме отличаются от прежних какой-то особой торжественностью: